

УДК 323.25

**Скиперских А.В.**  
(Елец, Россия)

### **ФОРМЫ УЛИЧНОГО ПРОТЕСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

*Стаття присвячена розгляду феномену вуличного протесту в сучасній Росії, що став характерною особливістю політичної реальності в кінці 2011 року. Вуличний протест поширився і на російську провінцію, де знайшов розвиток як в традиційних формах протестної активності, так і в деяких специфічних авторських протестних схемах.*

*В даній статті автор спробує розглянути характерні риси сучасного провінційного політичного акціонізму.*

**Ключові слова:** акціонізм, влада, протест, провінція, політичний перформанс.

*Статья посвящена рассмотрению феномена уличного протеста в современной России, ставшего характерной четой политической реальности в конце 2011 года. Уличный протест распространился и на российскую провинцию, где нашёл развитие как в традиционных формах протестной активности, так и в неких специфических авторских протестных схемах.*

*В данной статье автор постарается рассмотреть характерные черты для современного провинциального политического акционизма.*

**Ключевые слова:** акционизм, власть, протест, провинция, политический перформанс.

*The article considers the phenomenon of street protests in Russia, which became a characteristic couple of political reality in late 2011. The author will try to examine the characteristics of the modern provincial political actionism.*

**Keywords:** actionism, power, protest, province, political performance.

Итоги избирательной кампании в Государственную думу РФ в декабре 2012 года вызвали к жизни новую политическую реальность. В России объективировался уличный протест, который ещё пару лет назад мог быть редким явлением, связывающимися исключительно с маршами несогласным и разгонами митингов в защиту 31 статьи Конституции РФ. Как показывает практика, уличный протест становится популярным в крупных российских городах и Москве, но и отмечается в российской провинции. Про-

странственный провинциальный континуум российского протеста кажется чем-то удивительным, тем более, когда отмечаются попытки путинского режима в «закручивании гаек» и дезорганизации протестных настроений.

Что собой представляет современный уличный протест в российской провинции, какие он приобретает формы, и, наконец, можно ли говорить о том, что происходит его институционализация – на эти вопросы и попытается ответить автор данной статьи. Собранный и обработанный автором материал при помощи метода включённого наблюдения за уличным протестом в г.Ельце – втором по величине городе Липецкой области – позволяет защитить гипотезу о том, что политический протест в Ельце может представляться самостоятельным институтом, находящимся в состоянии развития.

Волна протестов «рассерженных горожан», недовольных масштабными фальсификациями на выборах в Госдуму ФС РФ, накрыла и Елец. В Ельце были поддержаны все протестные мероприятия, имевшие место в России, начиная с декабря 2011 года и заканчивая мартом 2012 года. Скромный провинциальный город выглядел как-то странно в компании крупных российских городов и городов дальнего зарубежья, где митинговали возле посольств России [1]. Не прекратились уличные протесты и после президентских выборов – вплоть до осени 2012 года, хотя им пришлось приобрести форму уличных арт-акций. Как оказалось, политический акционизм в Ельце может вполне рассматриваться как заслуживающее внимание явление.

Идея проведения политических перформансов в Ельце принадлежит группе интеллектуалов, почувствовавших необходимость выражения собственной политической позиции посредством арт-акций. Прибегая к подобным формам субъекты политического протеста решают важную задачу ускользания на периферию, где сигнал власти не представляется таким отчётливым и обжигающим. В Ельце, как и в других городах современной России это имеет огромное значение. Поэтому, именно интеллектуалы «выступают едва ли не самой активной частью городского протестного социума, ввиду относительной свободы от требовательного и внимательного зрачка своего работодателя» [2: 328 - 329].

Открытые протестные формы, предполагающие постоянный контроль власти, не могли не тяготить интеллектуала, в течение всей своей жизни ускользающего за пределы формализации и дисциплинарных, обязывающих схем, прописанных властью. Вырваться за пределы властного сигнала, прочувствовать альтернативную нишу, где можно реализовать свои политические активистские и акционистские потенции – вот, что может стать навязчивой идеей интеллектуала. Привлекательность подобных форм скрывается ещё и в отсутствии необходимости в унижении властными инстанциями. В отличие от митинга, шествия и пикета их нет необходимости согласовывать с властью. Этот момент является принципиальным для честолюбивого субъекта политического перформанса.

Само явление уличного протеста в форме политического перформанса есть следствие значительной спектакуляризации самого общества и его образа существования. В своё время в «Обществе спектакля» об этом замечательно напишет Ги Дебор – «спектакль являет собой модель преобладающего в обществе образа жизни. Спектакль – это повсеместное утверждение выбора, который уже был сделан в производстве, не говоря уже о последующем потреблении. Форма и содержание спектакля служат полным оправданием условий и целей существующей системы» [3: 10]. Спектакль, разыгрывающийся

в обществе, на глазах общества и ради общества, бесконечный политический театр, в котором значительно увеличивается манипулятивная политическая компонента, выступает уверенным приводом самой спектакуляризации повседневности. Политика является частью самой повседневности.

Некоторые исследователи, говоря о различных формах политического спектакля, отмечают их несомненное преимущество по сравнению с фронтальным, лобовым столкновением с властью, с её холодной разрешительной машиной. Действительно, важнейшим плюсом подобных акций является тот факт, что «они не предполагают получения разрешения со стороны властей. Поэтому, при усилении репрессивных практик государства и свёртывании возможностей легального протеста они дают возможность избегать контроля и репрессий, от которых страдают участники обычных митингов и демонстраций» [4: 47]. Данный факт говорит о многом. Действительно, относительная безопасность подобных акций выглядит довольно заманчивой перспективой, расширяющей возможности участия в них сомневающейся, колеблющейся и даже не слишком политизированной части общества (преимущественно, молодой). Относительная безопасность подобных акций сохраняется даже и при ужесточении наказания за митинги и уличный протест, явившимся ответом российского правящего класса на чрезмерную уличную активность, разыгравшую к лету 2012 году.

Идеи подобных мероприятий восходят к творчеству художественной группы «Коллективные действия», периодически отмечавшейся странными акциями в период СССР. Подобная «Зарница» для интеллектуалов, глубоко законспирированная в СССР, стала относительно популярна в российской провинции [5]. Безусловно, подобные акции нуждаются в идейных вдохновителях и талантливых, харизматичных исполнителях. В Ельце они нашлись среди университетских сотрудников, аспирантов и студенчества. Необходимость политического арт-выражения послужила поводом к демонстрации своих способностей посредством тотального спектакля. Акции арт-группы проводились практически каждую неделю.

Каждая акция преподносилась как концентрированный спектакль - текст, в котором есть авторы (актёры), сообщение (спектакль) и аудитория (зрители). Обязательным условием подобных акций было их последующее моментальное отражение в Интернет. Перед каждой акцией делался анонс, который пытались расшифровать возможные участники акции и сотрудники спецслужб, активно мониторивших действия арт-группы. Значительное ужесточение самой процедуры проведения уличных собраний, помноженное на специфическое для провинции превозмогание анонимности, не могло не сказаться на их быстром прорабатывании и моментальной объективации.

После проведения каждого мероприятия, выложенный фотоотчёт и аннотация с удовольствием обсуждались в Интернет. Развитие подобных форм протеста сказалось и на повышении интереса к уличной арт-политике. Комментировать акции стали чаще, начиная от местных форумов и заканчивая пассажирами авиарейсов, потому как некоторые мероприятия получили поддержку даже в наиболее известных российских газетах.

В культурных продуктах, порождённых елецкими несогласными можно найти как распространённые формы протеста, являющиеся некими классическими схемами выражения протеста, равно, как и исключительно авторские формы, до этого не использовавшиеся в российском протестном дискурсе.

Наряду с традиционными митингами против «Единой России» и В.Путина, пикета-

ми и одиночными пикетами, автопробегами и «Оккупаями» в политическом дискурсе Ельца раскрылись и другие формы протеста. Так в Ельце состоялись политические перформансы («Раскачивание жёлтой лодки», «Заполнение пустоты», «Данко», «Анна Каренина») и политические хэппенинги – акции, рассчитанные на включение случайного зрителя в само действие как соучастника («Гномь», «Ливенский лёд»). Некоторые формы также заслуживают внимание к себе как безусловно авторские и немного «странные» для современной российской провинции. Например, такими формами могут выглядеть литературный субботник, закладывание камня, сооружение памятников.

В начале июня 2012 года в Ельце прошёл пластилиновый митинг. Скверы и публичные места города оккупировали пластилиновые человечки с транспарантами и флагами, на которых были представлены их требования. Данная акция явилась ответом на ужесточение ФЗ «О митингах» и внесение поправок в административный кодекс РФ. Мероприятие получило большой резонанс и, наверняка, станет проформой для новых объективаций по всей России.

Происходящие уличные акции в Ельце, постепенно раскрывающие внимательному исследователю свои структуры, характер организации, материальную и нематериальную культуру, а также свою философию – особые поведенческие кодексы, не оставляют сомнений в том, что мы имеем дело с постепенным проявлением признаков института, с его медленным и трудным оформлением. Дальнейшее развитие протестных движений в России (даже приобретение ими латентных свойств) сможет существенно прояснить перспективы данного института. Правда, в любом случае, будет необходимо отметить, что данный институт не поддерживается самой властью, а, наоборот, затрудняет ей легитимационные практики. Данное уточнение не способствует катализации развития не только провинциального уличного протеста, но и протеста в целом. В таком случае, наиболее вероятные перспективы артикуляции протестных настроений будет вынужден принимать на себя непосредственный субъект протеста.

Систематизация и классификация подобных форм выражения политического несогласия в современной России в условиях авторитарного дрейфа В.Путина, наверняка, будет поводом для дальнейших теоретических штудий. Интересно, что тема протеста в Ельце получает раскрытие в студенческих ВКР и в диссертационных исследованиях. Явление уличного протеста может получить значительный импульс для исследований в связи с появлением практики повторений – бесконечных делёзовских реминисценций.

Таким образом, уличный протест в России приобретает новые формы выражения. Запрет на публичную демонстрацию культурных продуктов несогласных активизирует выход энергии в скрытые ниши – альтернативные зоны. Тем не менее, концентрация в них значительного интеллектуального капитала способна вызвать к жизни новый виток культурных провокаций, реагировать на которые правящему классу будет со временем всё сложнее и сложнее.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Список митингов и шествий на 4 февраля. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/hmelmed/854456-echo/>

2. Скиперских А.В. Интеллектуал в современной российской провинции: искушения декабрьского протеста. // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. – Вып. XIII. - М.: РГГУ, 2012. – С. 322 – 330. – 480 с.
3. Ги Дебор. Общество спектакля. – М.: Опустошитель, 2011. – 178 с.
4. Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией. // Неприкосновенный запас. - № 4. - (72). - 2010. - С. 47-69. – 302 с.
5. Орлова М. Пленэрное заседание. // Коммерсант-Власть. - № 11. - 20 марта 2006. - С. 64 – 67.

УДК 811.111'37

**Козум Л.Ф.**  
(Івано-Франківськ, Україна)

### МОВНО-КУЛЬТУРНА ТРІАДА НА ШЛЯХУ ДО ПОРОЗУМІННЯ

*Стаття присвячена проблемі взаємозв'язку культури, мови і свідомості. Культурно-ментальний бар'єр як наслідок впливу специфічних цінностей нації призводить до бар'єру комунікативного.*

**Ключові слова:** лінгвокультурологічна компетенція, ментальність, мовно-культурний бар'єр, соціокультурні чинники.

*Статья посвящена проблеме взаимосвязи культуры, языка и сознания. Культурно-ментальный барьер, как следствие влияния специфических ценностей нации, приводит к барьеру коммуникативному.*

**Ключевые слова:** лингвокультурологическая компетенция, ментальность, языково-культурный барьер, социокультурные факторы.

*The article is devoted to the problem of intercommunication of culture, language and consciousness. A cultural-mental barrier as a result in influence of specific values of nation results the barrier of communication.*

**Key words:** lingually-cultural competence, mentality, lingually-cultural barrier, sociocultural factors.

Останнім часом всебічно обговорюється проблема взаємозв'язку культури, мови і свідомості, проводяться різноманітні дослідження мовної картини світу у носіїв певної мови, створюються асоціативні словники різних мов, що дають багатий матеріал для вивчення особливостей сприйняття дійсності в рамках тієї чи іншої культури. Безперечно, мови культур різноманітні, адже «по своїй суті культура – поліглотна» [1: 21].

Лінгвокультурологічна компетенція має форму мовної, однак змістовно вона значно глибша. Формування лінгвокультурологічної компетенції необхідна для можливості проникнути в природу культурної суті, яка закріплена за певним мовним знаком. Мовна

© Козум Л.Ф., 2012